
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФЕНОМЕНЫ ПРОШЛОГО В УСЛОВИЯХ ПЕРЕХОДА К ЭКОНОМИКЕ ЗНАНИЙ

Плещенко В. И.*

В условиях информационной революции, глобализации, становления экономики знаний растет роль институтов сетевой координации, дополняющих или заменяющих традиционные способы координации, в качестве которых выступают рынки и иерархии. Механизмы сотрудничества в «новой экономике» должны формироваться с учетом действия сил инерции (традиции, привычки), что придаст процессу равномерный и устойчивый характер, обеспечит преемственность различных общественно-исторических практик, имевших место в России и СССР. Значительный потенциал творческого труда, присутствующий в стране, способен сыграть роль динамических способностей, во многом обеспечивающих конкурентоспособность компаний в современном бизнесе, однако данный ресурс может эффективно развиваться только в институциональной среде, сохраняющей преемственность.

Ключевые слова: экономика знаний, взаимодействие, координация, силы инерции, преемственность, сетевые структуры.

In the context of information revolution, globalization, and development of a knowledge-based economy the increasing role belongs to institutions of the network coordination which supplement or substitute traditional patterns of coordination including markets and hierarchies. The mechanisms of cooperation of the «new economy» must take into account the inertia forces (traditions, habits), which will support a steady and sustainable character of the process and ensure the continuity of various socio-historical practices existing in Russia and the USSR. A significant potential of creative labour, available in the country, can play the role of «dynamic abilities», largely ensuring the competitiveness of companies in contemporary business world; however, this resource can efficiently develop only in the environment preserving institutional continuity.

Keywords: knowledge economy, interaction, coordination, inertial forces, continuity, network structures.

Сегодняшнюю глобальную постиндустриальную экономику часто характеризуют как экономику знаний, подчеркивая тем самым ключевое значение в ней информации, инноваций, научно-технического прогресса и человеческого капитала. Произошедшее смещение приоритетов вызвало то, что в исследованиях экономики знаний (или «новой экономики») отмечается невозможность рассмотрения конкуренции в качестве главенствующего способа взаимодействия хозяйствующих субъектов в изменившихся условиях [Клейнер 2006: 33]. Анализ современных организационных структур также говорит о происходящем переходе от атомистической системы традиционного рынка с ценовыми сигналами к кла-

* Плещенко Вячеслав Игоревич – к. э. н., АО «Гознак», Москва, начальник управления. E-mail: v_pl@mail.ru.

стерно-сетевым горизонтальным системам координации действий гиперсвязанных субъектов [Смородинская 2015: 13–14]. Более того, применяются физические аналогии, согласно которым конкуренция и соперничество играют в современной экономике роль сил отталкивания, противостоящих силам притяжения (кооперация, сотрудничество) и силам инерции (традиции, привычки) [Клейнер 2006: 33–34]. Таким образом, возникает интересная коллизия, в которой различные варианты взаимодействия в экономике представляются фактическими антиподами. Но в то же время понятно, что только их сбалансированное комбинирование способно обеспечить в настоящее время гармоничное развитие экономики и общества.

Проявления гибридных форм взаимодействия (или координация «третьего типа») весьма разнообразны. К примеру, в «новой экономике» все большее распространение получают институты сетевой координации, своим функционированием успешно дополняющие или заменяющие традиционные способы координации, в качестве которых выступают рынки и иерархии. В результате на уровне межличностного взаимодействия формируются новые условия протекания социально-экономических процессов, когда действия индивидов не зависят лишь от размеров денежного вознаграждения или наличия указаний руководства, а являются творческим процессом, реализуемым в тесной взаимосвязи с близкими по духу людьми, при активном использовании потенциала глобальной информационно-коммуникационной сети Интернет. Все это во многом предопределяет характер кооперации и сотрудничества сегодня.

Следуя вышеуказанной классификации Г. Б. Клейнера, можем отметить, что силы притяжения являются активной составляющей, обеспечивающей движение вперед, в то время как силы инерции должны придавать этому движению равномерный, последовательный и устойчивый характер, обеспечивать преемственность общественно-исторических практик. Поэтому, говоря уже о традициях и привычках, следует обратить свой взгляд назад и вспомнить не столь далекое прошлое нашей страны, в котором имели место многочисленные примеры взаимодействия субъектов на разных уровнях экономики и общества, схожего с нынешними кластерно-сетевыми формами. Так, в СССР сформировалась обширная практика отраслевого и межотраслевого сотрудничества и кооперации, был получен опыт создания и развития цепей поставок, научно-промышленных кластеров, сетевых механизмов взаимодействия (как формальных, так и неформальных). Кроме того, в Советском Союзе активно культивировались такие формы организации коллективного труда, как коммунистические субботники, социалистическое соревнование и рационализаторство, ставшие определенными социально-экономическими феноменами СССР. Субботники были добровольной бесплатной работой советских трудящихся, характеризующей их коммунистическое отношение к труду. В свою очередь, социалистическое соревнование предусматривало применение новых форм организации труда, выполнение трудящимися повышенных норм выработки [Меняйло 1973: 63]. Высшей формой такого соревнования являлось движение за превращение рабочих коллективов в коллективы коммунистического труда. И, наконец, движение новаторов производства (рационализаторство) представляло собой проявление творческой инициативы трудящихся, направленной на улучшение условий работы, рационализацию технологических

процессов, рост производительности труда, активное использование достижений научно-технического прогресса¹.

Несмотря на значительные практические недостатки указанных форм организации труда, связанные во многом со специфическим административно-бюрократическим режимом, существовавшим в СССР, автор полагает, что анализ применимости советского опыта весьма актуален. Дело в том, что сегодня на наших глазах активно развиваются разнообразные сетевые формы добровольной кооперации индивидов, внедряются новые инструменты корпоративного менеджмента. В частности, для решения нестандартных задач современными компаниями все чаще применяются методы краудсорсинга, широкое распространение получили волонтерское движение, командообразование (или *тимбилдинг* – от англ. team building – построение команды). Например, крупная российская промышленная компания «Северсталь» еще в 2012 г. запустила программу развития корпоративного волонтерства среди своих сотрудников. На сайте «Северстали» указывается, что волонтерство выступает одной из форм самореализации личностного потенциала работников, способствующей получению общественного признания, приобретению полезных практических и социальных навыков, лучшей интеграции новых сотрудников в коллектив [см. подробнее: Корпоративное...].

В этой связи автор считает позитивным тот факт, что и другие исследователи и практики также проявляют интерес к анализу социально-экономических феноменов СССР, возможностям их применения в современных условиях. К примеру, И. Д. Котляров квалифицирует субботники, рационализаторскую деятельность и соревнования² в качестве предшественников концепции внутреннего краудсорсинга [Котляров 2016а: 56]. Кроме того, в современных публикациях отмечается тот факт, что субботники служат поднятию командного духа, становятся важной формой корпоративного волонтерства, способствуют внедрению нефинансовой мотивации и т. д. [Капиталистический...]. Также подчеркивается тот факт, что коллективная деятельность способствует укреплению чувства доверия и партнерства, общих ценностей в рамках сообщества [Трофимова 2013]. В свою очередь, опыт советского рационализаторства может быть востребован в процессе поиска оптимальных вариантов развития коллективного научно-технического творчества, межфункционального и межфирменного взаимодействия в инновационной сфере. К примеру, в СССР получили широкое распространение комплексные бригады рационализаторов, состоявшие из рабочих, инженеров и техников, которым оказывали помощь научно-исследовательские организации и высшие учебные заведения [Савицкий 2009: 110]. Данная форма организации трудового процесса во многом схожа с современными представлениями о построении гибких сетевых структур. Также сегодня важно, чтобы сотрудники, вовлеченные в коллективную работу, осознавали ее важность для организации, а их заслуги были заметны для окружающих. В этой связи вспомним, что в СССР проводились смотры и конкурсы на лучшее рационализаторское предложение, лучший творческий коллектив [Савицкий 2009: 113]. Таким способом повышался престиж творческой деятель-

¹ В условиях социализма в СССР в 30-е гг. XX в. возникло массовое движение новаторов, изобретателей и рационализаторов производства. Заслуженные работники-энтузиасты получали, как правило, существенное вознаграждение за свой труд и служили позитивным примером для окружающих.

² Вероятно, автором цитируемой статьи имелось в виду социалистическое соревнование.

ности, обеспечивалась дополнительная (нефинансовая) мотивация, что также крайне актуально сейчас.

В связи с изложенным возникает довольно важный вопрос: а не является ли результат процесса, который мы ранее квалифицировали как обеспечение преемственности, на самом деле попаданием в так называемую институциональную ловушку? Академик В. М. Полтерович называет институциональными ловушками неэффективные устойчивые нормы (неэффективные институты), которые, давно сформировавшись, находятся в самоподдерживающемся состоянии, в результате чего система вынуждена раз за разом проходить один и тот же путь [Полтерович 2004: 7–8]. В числе причин появления институциональных ловушек указывается культурная инерция, возникающая вследствие нежелания агентов менять стереотипы поведения, доказавшие в прошлом свою эффективность [Там же]. Схожим образом И. Н. Шапкин и Н. О. Воскресенская видят источник ловушек в ментальности народа, а именно: в лице устойчивых и распространенных образцов мышления, запечатленных в привычках, традициях и обычаях народа, заставляющих людей воспроизводить образцы поведения, передающиеся от поколения к поколению [Шапкин, Воскресенская 2016: 110]. Также вышеупомянутые авторы отмечают, что именно эти образцы могут оказаться нерациональными и неэффективными в изменившихся условиях, однако при сильной зависимости общества от исторического прошлого даже ошутимое внешнее воздействие на систему не способно перевести ее на «новые рельсы», и общество продолжит хождение по кругу, повторяя тем самым прошлые ошибки [Там же].

Вместе с тем в России традиционным считается отношение к труду как к добродетели, нравственному деянию, а духовное совершенствование, самоограничение, досуг предпочтительнее добывания все большего количества материальных благ [Ивлева 2002: 24]. Так же и в эпоху СССР, как подчеркивает исследователь советского периода в истории и культуре Е. Добренко, внеэкономические стимулы труда были основными, а сам труд выступал морально-нравственной и культурной (воспевание «красоты труда») категорией [Добренко 2007: 248–249]. Это показывает, что для России свойственна преемственность доминирующего отношения к важным социально-экономическим категориям, причем сохраняется она в разных общественно-исторических формациях. В этой связи Г. Ю. Ивлева характеризует как положительный факт то обстоятельство, что Россия за свою историю узнала и опробовала развитые формы общественной организации, поэтому у нее есть прививка против всецелого поглощения «стоимостным миром» [Ивлева 2002: 27]. Можно также сказать, что вся эта собранная за долгие годы совокупность норм, правил, обычаев, образа жизни и мысли является институциональной матрицей, отражающей социально-экономическое, политическое, культурное развитие народа, задаваемое его национальной ментальностью [Шапкин, Воскресенская 2016: 112].

Следовательно, указанные нами явления (сегодняшние субботники, новое рационализаторство и др.) отнюдь не являются институциональными ловушками или рудиментами советской эпохи, неожиданно «реинкарнировавшимися» в XXI в. Они фактически вырастают из всей предыдущей истории страны и представляют собой новый этап развития социальной материи, с учетом национально-территориальной специфики. На взгляд автора, это происходит в полном соответствии

с законами диалектики (движение вверх по спирали, обеспечивающее преемственность).

Более того, именно сейчас в современных развитых экономиках распространились явления, отражающие рост роли некоммерческих критериев и целей в общественно-экономической жизни. Так, Г. Б. Клейнер упоминает в данном контексте краудсорсинг, участвовавшие случаи передачи крупных состояний на благотворительные цели, волонтерство, социальную ответственность бизнеса, а также масштабные некоммерческие проекты типа строительства адронного коллайдера [Клейнер 2015: 142]. Указанные процессы коснулись не только бизнеса, но и обычных граждан. Основная цель, возникающая на уровне рядовых обывателей, – это координация действий граждан с целью снижения издержек и рационализации потребления. В этой связи можно упомянуть еще одну публикацию И. Д. Котлярова, в которой он раскрывает суть сетевых организаций нового типа – виртуальных потребительских кооперативов, также подчеркивая их некоммерческую направленность [Котляров 2016б: 76–78]. Стремление к рационализации потребления в условиях «новой экономики» выражается не только в снижении издержек на приобретение тех или иных вещей, но и в возможном снижении числа этих вещей, находящихся в обращении. Поэтому весьма примечательна такая тенденция последних лет, как активное развитие виртуальных сервисов совместного потребления, распространение сообществ, организующих коллективные закупки чего-либо, совместное использование индивидами различных вещей (бытовая техника, компьютеры, фотоаппараты, велосипеды) и автотранспорта³. Все это способствует экономии издержек за счет коллективной эксплуатации ресурса, а также формированию комфортной среды общения.

Следовательно, в «новой экономике» возрастает важность учета социально-гуманитарных факторов при формировании современных экономических моделей и механизмов, появляется необходимость отхода от безусловного признания прибыли практически единственной целью существования бизнеса. Рассуждая на эту тему, Г. Б. Клейнер подчеркивает, что гиперкоммерциализация экономики приводит к деформации системы общественных ценностей, подавляет солидарность, патриотизм и стремление к коллективному сотрудничеству [Клейнер 2015: 142]⁴. Схожим образом действует и популярная сегодня идеология безудержного потребления, которая, как отмечает А. Н. Ильин, вместо экономии, солидарности, самоограничения абсолютизирует противоположную ценность – безответственную трату, вызывая тем самым кризис личности, общества и природы [Ильин 2016: 151]. Стремление активной части социума найти выход из сложившейся ситуации проявляется по-разному, выражаясь в агрессивном антиглобализме, так называемом дауншифтинге и других специфических явлениях. Наиболее позитивным примером в данном случае, на взгляд автора, является известная концепция устойчивого развития, возможные пути реализации которой активно обсуждаются в научном сообществе уже более двух десятилетий.

³ При этом отметим, что данное явление имело предысторию еще в доинтернетовскую эпоху. К примеру, в рамках сельской общины русские крестьяне в течение многих веков организовывали коллективное использование ресурсов.

⁴ В то же время и советское «некоммерциализированное» общество, исчезнувшее вместе с СССР, также нельзя считать идеальным образцом для подражания. Несмотря на официально декларируемый коллективизм, примат общественного над индивидуальным, исследователи пишут об обратных процессах: разрыве социальных связей, закрытости, атомизации советского общества [Дубин 2008].

Таким образом, в условиях глобальной экономики знаний приоритетными становятся отношения сотрудничества (вместо соперничества), а дух коллективизма должен гармонично сочетаться с учетом потребностей и пожеланий индивидов. Также важно выделить наметившуюся тенденцию к рационализации потребления, способствующую развитию новых институтов. В свою очередь, обилие информации, повышенная сложность современных технических и организационных систем ведут к тому, что деятельность по их совершенствованию не может реализовываться в одиночку, требуя формирования гибких сетевых структур (как временных, так и постоянных), объединяющих различных представителей коллектива компании, либо отдельных фирм (в зависимости от масштаба проблемы и числа вовлеченных лиц). В результате за счет суммирования различных потенциалов образуется синергетический эффект. При этом для России особенным обстоятельством выступает сохраняющаяся неразделенность труда, малая его специализация, что одновременно является важным свойством творческого труда как основы постиндустриального общества [Ивлева 2002: 27]. Значительный потенциал творческого труда, присутствующий в стране, способен сыграть роль так называемых динамических способностей, во многом обеспечивающих конкурентоспособность компаний в современном бизнесе. На взгляд автора, данный ресурс может эффективно развиваться только в «генетически» знакомой ему институциональной среде, сохраняющей преемственность. В этой связи представляется актуальным и целесообразным воспроизведение (на новом коммуникационном уровне) практических наработок советской эпохи, рафинированных от излишней идеологизации, равно как и использование общественно-исторической практики более далеких от нас поколений российской нации, которые также существовали в особой институциональной среде (крестьянская община, соборность и др.).

Литература

Добренко Е. Политэкономия соцреализма. М. : Новое литературное обозрение, 2007.

Дубин Б. Институты, сети, ритуалы // Pro et Contra. 2008. Т. 12. № 2–3. С. 24–35.

Ивлева Г. Ю. Социально-экономические альтернативы России и концепция восстанавливающего развития // Вестник ОГУ. 2002. № 4. С. 24–29.

Ильин А. Н. Кризис экологии и экологического сознания в обществе потребления // Век глобализации. 2016. № 1–2. С. 147–160.

Капиталистический субботник [Электронный ресурс]. URL: http://abireg.ru/sb/print/n_542.html (дата обращения: 08.03.2016).

Клейнер Г. Микроэкономика знаний и мифы теории // Высшее образование в России. 2006. № 9. С. 32–37.

Клейнер Г. Б. Декоммерциализация экономики как культурный проект (на пути к созданию культурологической теории экономики) // Гуманитарий Юга России. 2015. № 2. С. 140–146.

Корпоративное волонтерство [Электронный ресурс]. URL: http://www.severstal.com/rus/csr/programmes_contests/document9792.phtml.

Котляров И. Д. Место внутреннего краудсорсинга в системе инструментов привлечения персонала для решения нерутинных задач // Менеджмент сегодня. 2016а. № 1. С. 54–59.

Котляров И. Д. Феномен виртуальных потребительских кооперативов // Общество и экономика. 2016б. № 12. С. 75–82.

Меняйло И. Л. Основные законы материалистической диалектики. М. : Высшая школа, 1973.

Полтерович В. М. Институциональные ловушки: есть ли выход? // Общественные науки и современность. 2004. № 3. С. 5–16.

Савицкий И. М. Движение рационализаторов и изобретателей на предприятиях тяжелой промышленности Сибири в 1946–1960 гг. // Институты гражданского общества в Сибири (XX – начало XXI в.) / отв. ред. В. И. Шишкин. Новосибирск, 2009. С. 108–124.

Смородинская Н. В. Глобализированная экономика: от иерархий к сетевому укладу. М. : ИЭ РАН, 2015.

Трофимова И. Н. Национальные территории и национальная политика в России: исторический опыт и современные проблемы // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 11. С. 13–16.

Шапкин И. Н., Воскресенская Н. О. Институциональная матрица России в контексте проблем глобализации // Век глобализации. 2016. № 4. С. 100–114.